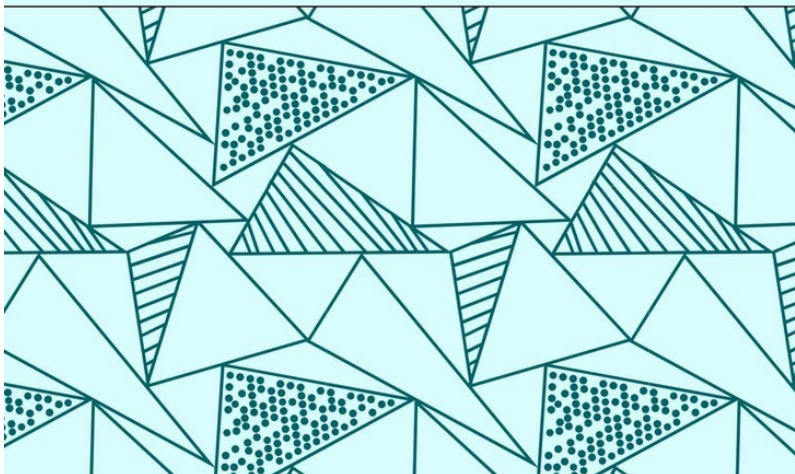

Виктор Дудихин

Гниловатые времена

Очерки эпохи лихолетья

Виктор Владимирович Дудихин

Гниловатые времена.

Очерки эпохи лихолетья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22036446

ISBN 9785448339264

Аннотация

Эта автобиографическая повесть о событиях конца 80-х, начала 90-х прошлого века – времени «угара перестройки» и краха СССР. В ней рассказывается о жизненных перипетиях, выпавших на долю автора. Ее действия разворачиваются в стенах Горкома КПСС, ЦНИИ «Электроника», Министерства иностранных дел и в других организациях, в которых автору довелось нести «трудовую повинность». Люди, события, приметы эпохи – все это вы найдете на страницах этой книги.

Содержание

От автора	5
Рубикон перейден	7
Отдел 21 – террариум единомышленников	16
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Гниловатые времена
Очерки эпохи лихолетья
Виктор Владимирович
Дудихин

© Виктор Владимирович Дудихин, 2016

ISBN 978-5-4483-3926-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

И с кого спросить, я вас спрашиваю?

Эти там, те тут,

а тех до сих пор никто ни разу...

Виктор Черномырдин

Премьер-Министр РФ в 1992—1998 гг.

Уважаемый читатель, текст, который вы держите в руках, это естественное продолжение предыдущей автобиографической повести «Хроника одного солнечного цикла». Новое повествование охватывает период с 1988 по 1994 годы моей своеобразной, очень непростой, но, как мне кажется, достаточно интересной жизни.

С названием повести произошел некий казус. Первоначально я хотел называть ее «Гниловатые времена», что в полной мере отражало мое собственное мироощущение и отношение к этому периоду новейшей российской истории. Во многом сие обстоятельство определялось тем, что я довольно долго воспринимал распад Советского Союза почти как личную трагедию.

Однако, один мой очень хороший приятель, прочитав текст заявил, что ему понравилось все, или почти все, кроме названия, так как лично для него этот период являлся чуть ли не «временем надежд».

Из-за этого, в один прекрасный момент, я даже был готов

поменять название книги. Скажем на «Хреноватые времена», что на мой взгляд хотя звучит несколько более политкорректно, но все же не вполне отражает суть вещей и атмосферу той эпохи. Поэтому, я вовремя одумался и оставил все так как оно было задумано в первоначальной редакции книги.

В заключение остается лишь добавить стандартную «мантру», что все описанное – это самый беспардонный вымысел, что все возможные совпадения с реальными событиями абсолютно случайны, что никакие претензии не принимаются в принципе, однако, автор приносит все возможно-всяческие извинения людям, которые найдут в моем тексте что-то оскорбительное для себя лично.

После этих проникновенных слов остается только одно – пожелать всем приятного чтения...

Виктор Дудихин

Рубикон перейден

*На собственном горбу и на чужом
я вынырнул понятие простое:
бессмысленно идти на танк с ножом,
но если очень хочется, то стоит*
Игорь Губерман

Отпуск лета 1988 года, наше дружное семейство: я, моя жена Лена и одиннадцатилетняя дочка Ольга провели в Латвии на базе отдыха Вайвари. Это счастье досталось нам через профсоюз МИСиСа, где на кафедре кибернетики трудилась в те годы моя супруга.

Наверное, наше курортное заведение можно считать весьма типичным, и походило оно на большинство подобных учреждений Советского Союза тех лет. Отдыхающие получали в нем тихое семейное счастье в деревянных хибарках, стоящих неподалеку от пляжа.

Песчаные дюны, высокие сосны, холодное мелкое море. На дорожках среди деревьев иногда можно встретить даже поджарых прибалтийских зайцев. Море такое мелкое, и чтобы добраться до более-менее глубокого места, надо долго брести по колено в холодной балтийской воде.

Все – как и везде. Кроме продуваемых ветром щитовых хибарок, добротный бревенчатый дом, для VIP персон. Кормили всех в общей столовой и кормили прескверно. Прибал-

тийская аккуратность, якобы, привитая латышам немцами, видимо миф, полностью уничтоженный в то время социалистической реальностью. Грязновато, хамовато и бедновато.

Старая Рига. До нее ехать чуть меньше часа на электричке. Историческая часть города показалось тогда мне очень маленькой. Такой игрушечный городок из немецкой сказки, окруженный хрущевскими пятиэтажками. Достопримечательностей достаточно только, чтобы три раза сказать «ах» или «ох», а затем выпить чашечку кофе. Больше в Риге делать было нечего.

Прибалтийская музыка слов – Пумпури, Булдури, Майори. В это время проходил первый песенный фестиваль в Юрмале. Естественно, билетов у нас нет, слушаем с дочкой песни за оградой. А там, на сцене, поет молодой Александр Малинин.

Партконференция – тихое недоумение мысли. Ощущение – на нас накатывает «катастрожка». Предчувствия – самые недобрые. КПСС делает себе прилюдное харакири. Ясное понимание – в недалеком будущем пострадают все.

Я в то время довольно много играл в теннис. В большой, настоящий теннис. На корте познакомился с неким прибалтом. Примерно моего возраста, насколько помню, такой интеллигентный латыш-гуманитарий.

Платил за все я. За корт, за мячи, за прислугу. Угощал его пивом. Я мог тогда себе такое позволить. Мой спарринг-партнер, видимо по совместительству еще и большой

жмот. А может быть, у него просто не было денег?

Сколько же злобы переполняло прибалтийского друга. Злоба – за то, что деньги плачу я, злоба – за то, что за него платит русский, злоба за то, что я играю в теннис лучше его. Ненависть – что это он, здесь, у себя на родине, как бы в услужении у русского парня – фактически, этакий спортивный жигало. Так ведь должен же я, с кем-то играть?!...

Он ненавидел меня, но, тем не менее, регулярно приходил на корт точно в оговоренное время. Великая вещь Халява, на нее и укус сладкий! Халявность – основной принцип жизни прибалтийских республик СССР того времени. Ненавидеть русских, но брать у них деньги и жить за их счет.

Я играя стал немного поддаваться, он это понял и стал ненавидеть меня еще сильнее. После того, как он узнал, чем занимаюсь, его злоба просто стала выплескиваться «бурным потоком».

Трясаясь от ненависти и переходя временами на родную мову, он заявил, что военно-промышленный комплекс России грабит его несчастную, трудолюбивую Латвию. Не более, не менее!

Я сейчас даже думаю, что большая часть агрессии у моего латышского приятеля имела привнесенный, внешний характер. Автохонное население Прибалтики подвергалось в тот момент усиленной антисоветской и антирусской информационной атаке в местных СМИ. Из-за незнания «туземных» языков я, естественно, не мог это почувствовать в полной ме-

ре. Однако, вернувшись в Россию выписал латышскую русскоязычную газету «Советская Молодежь». Читая ее многое понял.

В целом же, эта страна, Латвия, да, и, наверное, вся Прибалтика оставляла тогда у меня, да и многих, впечатление жуткого сельскохозяйственного захолустья. Обратно едем в вагоне люксе, в купе СВ с кондиционером. Из-за него все сильно простыли, так что общее впечатление от поездки в Латвию осталось очень даже сопливое.

Сразу после возвращения из отпуска мне на работу позвонил вкрадчивый, интеллигентный голос. Представился – Игорь Петрович из Горкома КПСС. Я не сразу сообразил, чего, собственно, ему надо. Горкомовские анкеты заполнял в марте, а сейчас на дворе стоял август. Мой новый друг поинтересовался, не мог ли я подойти на Старую Площадь для собеседования. Подойти? Почему нет – могу, очень даже могу.

В означенное время встретились у часовни Героев Плевны, что около метро. Стоял чудесный предосенний день. Поэтому, решили не идти в помещение, а поговорить здесь же, на скамеечке, несмотря на своеобразную репутацию этого скверика.

На встречу ко мне явились трое, так сказать – три богатыря. Игорь Петрович – полноватый, лысоватый брюнет с тщательно ухоженными усами. Евгений Александрович – высокий субъект с бегающими глазками. Создавалось впечатле-

ние, что он недавно либо что-то украл, либо собирается сделать это. И, наконец, Олег Константинович, худой, подвижный, нервный тип, с изможденным лицом язвенника, с горящими, почти сумасшедшими глазами. Он в этой компании в тот момент являлся главным. Все примерно моего возраста, может чуть постарше.

Начался разговор «за жизнь». Очень кратко, почти по анкете, рассказал им про себя. Добавив, что с сентября направлен учиться на факультет переподготовки МИРЭА по специальности «Искусственный интеллект: экспертные системы», а это занятия раз в неделю, которые мне очень бы хотелось посещать.

У Игоря загорелись глазки, Олег встрепнулся, Евгений кислотовато поморщился. Игорь Петрович с Олегом Константиновичем шустро отскочили в сторонку и о чем-то стали энергично шептаться, как Бобчинский с Добчинским в гоголевском «Ревизоре». Милейший Евгений Александрович в это время с недовольной миной поддерживал со мной светский разговор «о погоде».

Пауза продолжалась недолго, всего несколько минут. После чего Олег, как главный среди них, сделал мне предложение. Должность – «старший научный сотрудник», так как свободных ставок заведующего сектором или завлаба пока нет. Зарплата – высокая, работа – на территории горкома КПСС, льготы и привилегии причитаются.

Простите, высокая – это сколько? Льготы – это что?

Была названа сумма примерно раза в два большая той, что я получал до этого. А премия? Естественно! Оклад в квартал.

У меня не урегулирована жилищная проблема – будем способствовать!

Льготы – это спецбуфет, обеды в спецстоловой, спецзаказы – продуктовые и книжные.

Так что, я поступаю на работу в партийные органы? Нет, наша организация называется ЦНИИ «Электроника» и занимается сейчас автоматизацией работы именно этих органов. Мы – отдел, прикомандированный к Горкому КПСС.

Чем же мне придется заниматься на этой моей новой, перспективной работе? Насколько я смогу вписаться в уже существующие структуры и что собственно за проект должен здесь реализовываться?

Тут Олег Константинович с воодушевлением произнес «тронную речь»: «Вам невероятно повезло! Вы имеете возможность попасть практически на самый начальный этап разработки проекта „СОКРАТ“, этой уникальной, бесподобной, перспективной, прорывной научной работы – информационной системы, открывающей новые зияющие горизонты в мире информационных технологий».

Чувствовалось, что говорить – это любимое занятие моего нового друга. Он токовал как тетерев, при этом немного закатывал глаза и даже гортанно булькал горлом. Что происходило вокруг него – он точно не видел и не слышал.

Простите, все же, так «СОКРАТ» – это что?

«СОКРАТ» – это Система Организации Коллегиальных Решений Аналитической Текстообработкой. Новейшая, современнейшая, перспективнейшая информационно-аналитическая компьютерная система. Элементы искусственного интеллекта должны стать его неотъемлемой, если не основной частью!

Все это разрабатывается для партийных органов в рамках программы «Ускорение» по прямому распоряжению бывшего московского персека Бориса Ельцина, дабы своими потенциями оздоровить, улучшить и всячески интенсифицировать работу партийного аппарата Московского Городского комитета КПСС, погрязшего в косности, кумовстве и коррупции.

Затея эта выглядела как отблеск погасшей звезды, подумал я, светила уже нет, а свет все еще идет. В тот момент Бориску Ельцина уже успешно «слопала» вся эта партийно-горбачевская камарилья.

Решение для себя я уже почти принял. Для солидности попросил пару дней на раздумья. Было очевидно, что они меня хотят взять. Потом, хорошие деньги, спецбуфет в голодное время, почему бы и не попробовать...

Питательной же почвой для раздумий представлялась нерешенность жилищной проблемы. Это как карма, висящая надо мной до этого практически всю предыдущую сознательную жизнь. Наша коммунальная «воронья слободка»

постепенно расселялась. Как кандидату наук, окормляющему оборонную ниву, по всем законам того времени, после грядущего выезда соседей, должны были «обломиться» все оставшиеся «хоромы». Но это только в теории.

Возможно, если бы Шеф (Нудельман) рулил на фирме, как и прежде – так оно и было бы. По крайней мере, я глубоко убежден, что Александр Эммануилович нашел бы оптимальное решение, устраивающее всех, или почти всех. Он, со своим изворотливым еврейским умом, был большой дока в таких делах.

Но Шефа ушли. На фирме хозяйничали тульские выкорыши. Все вопросы по жилью в Климовске они передали на КЭБ, а там меня по старой памяти «любили» жгучей любовью и приемлемых вариантов у них, скорее всего, не имелось, будь я хоть семи пядей во лбу и трижды вывернись из своей шкуры и выпрыгни из собственных штанов. Мафия КЭБовских ветеранов, однако. Свои детишки подрастали, и им надобно было расширяться квартирно. Нет, возможно, какую-то «кость» с барского стола они бы мне и бросили, но ведь всегда хочется большего. Причем, всего и сразу!

Проанализировав «ситуёвину» – пришел к выводу, что даже при таком раскладе некий гипотетический шанс у меня все же есть. Если я уйду из КБТочмаш, то решение моего квартирного вопроса переходит от жилищной комиссии моего любимого КЭБа, в компетенцию климовского Горисполкома. Тогда решающим обстоятельством становилось хода-

тайство с нового место работы и статус этой организации.

Все сходилось к одному, и в случае с перспективой работы по автоматизации Горкома КПСС, сходилось удачно – надо уходить. Ставить на такой вариант, возможно, представлялось рискованным, но я решил, что надо. Потом – риск, это дело благородное!

Отдел 21 – террариум единомышленников

*Главный парадокс:
Оптимист верит,
что мы живем в лучшем из миров.
Пессимист боится, что так оно и есть
Закон Мэрфи*

С первого октября 1988 года я начал трудиться на новом месте.

Вообще, работать в районе Старой Площади для меня тогда представлялось удобным. Электричкой едешь от станции «Весенняя» до «Текстильщиков» где-то час, а там прямая ветка метро. При хорошем «раскладе» на дорогу в оба конца уходило не более трех часов в день.

Оформляться же на новую работу пришлось ехать к «черту на рога». Сама контора, ЦНИИ Электроника, уродливое, типовое бетонное здание стояла совсем рядом от метро «Проспект Вернадского», где и находилось руководство моей новой организации. Кстати, изнутри здание явно несколько лучше, чем снаружи. По крайней мере, актовый зал тогда оставлял приятное впечатление, как размерами, так и отделкой.

Довольно быстро пройдя необходимые формальности, я

отпросился на недельку отдохнуть. На дворе стояло начало октября, тепло и очень солнечно. Настоящая золотая осень, бабье лето. Кто знает – думал я – может это добрый знак.

Мой брат недавно женился, и я поехал к нему в гости, в Рязань. Мы гуляли, немножко пьянствовали, пытались ловить рыбу, радовались жизни так, как это можно делать в неполных сорок лет...

Теперь о новом месте работы. В нашем, прикомандированном к московскому горкому КПСС отделе работало человек тридцать. В нем присутствовали как минимум четыре яркие личности, достойные того, чтобы я упомянул их в своем мемуарии. Все они примерно одного возраста – сорок лет, кандидаты наук, самыми замысловатыми путями попавшие в этот переплет. О первом впечатлении, о трех из них, написал в предыдущей главе. Сейчас подробнее, ибо они того заслуживают....

Олег Константинович – начальник отдела, обладатель рыцарской фамилии и автор концепции своей бесподобной системы «Сократ». Бывший институтский преподаватель, в прошлой жизни доцент из города Куйбышева.

До сих пор для меня остается непонятным, каким образом, зачем, почему, и какая сила вытащила его из провинциального самарского захолустья, дала квартиру в элитном московском доме и устроила работать туда, где по его же словам, «ложка стояла в банке с черной икрой».

Что, в Стольном Граде нельзя было найти подходящего

специалиста? Не верю! И не понимаю... Олег за время моего знакомства с ним проявил себя абсолютно «нулевым» администратором, но обладал бесспорными, феноменальными «креативными способностями», всеми признаваемым даром – убалтывать кого угодно и зажигать народные массы своим оптимизмом.

Игорь Петрович – выпускник физтеха, бесспорно талантливый систематизатор с фундаментальным образованием, но практически нулевой креативщик. Поле его интересов лежало в области эргономики. Я еще все время подкалывал этого деятеля несколько перелицованным лозунгом тех лет, мол «Эргономика должна быть эргономной!».

В этом своем эргономическом бульоне он варился практически все сознательную жизнь, начиная институтской скамьи. Кстати, довольно скоро, буквально на моих глазах, он защитил докторскую диссертацию, по своей злосчастной науке. Все хорошо – но к тем задачам, которые предстояло решать здесь, в Горькоме КПСС, эта область знаний имела отношение весьма опосредованное. Администратором Игорь, прости Господи, был слабым. Мы с ним одно время мы даже дружили. Пока не разругались.

Евгений Александрович – его сфера интересов инженерная психология. Старинный приятель Игоря. Он мог бесконечно долго рассуждать об особенностях восприятия различных экранных форм. Все это прекрасно, но надо бы хоть немножко иметь представление об информационных техно-

логиях! Меня он жгуче не любил. Я был среди них самым молодым, весьма ехидным, а после того, как мы с Игорем подружились, то Евгений, видимо, просто банально ревновал. Однако, надо сказать, что администратором он все же каким-то был.

Юрий Васильевич – также выпускник физтеха, в свое время удачно перебежавший из АСУ Москва на партийную работу и получивший там соответствующую выучку. Он являлся, несомненно, хорошим администратором, но время, проведенное в партаппарате КПСС, сделало его «нулевым» специалистом. Поэтому, каких-то разумных вариантов, помогающих найти верное решение стоящих перед отделом задач, тоже предложить не мог.

Бесспорно, Юра – партократ был из всей четверки самым умным и ушлым. Быстро организовал при ЦНИИ «Электроника» малое предприятие с вызывающим названием «Поиск». Когда я спросил его, мол, поиск чего, он, не задумываясь, ответил – денег! Примерно через год, когда злосчастный проект «Сократ» стал стремительно приближаться к краху, и в воздухе явственно запахло жареным, Юра, как ни в чем не бывало, начал через свой «Поиск» успешно торговать курячьим яйцом.

Теперь немного о новом месте работы. Сразу по входу в здание Горкома находился гардероб с шустрыми старушками подавальщицами верхней одежды. Меня по – первоначально весьма занимало, каким образом они так безошибочно

определяют приоритеты при обслуживании.

То, что некая иерархия существует, не вызывало сомнения. Но как, каким образом, эти бабульки определяли, у кого брать пальто в первую очередь, а кто мог и подождать, так сказать перетоптаться? Мой новый друг, экс – партийный бюрократ Юра, долго смеялся, узнав о моем затруднении. Потом объяснил – все дело в шапках.

По его словам, в зависимости от занимаемой должности партийный чиновник того времени мог тогда носить лишь определенный головной убор. Пыжики – это верхний уровень, далее бобровые, ондатровые и так далее, опускаясь до банального кролика. Мы, инженеры, в наших вязаных колпачках, находились на самой нижней ступеньки этой иерархии и даже еще ниже. Вот такое было его объяснение. Впрочем, может он просто мне все тогда наврал. Вполне возможно, все-таки экс-аппаратчик, профессионал этого дела.

Нет, понятно, что партийный функционер тех лет вполне был в состоянии купить самую распрекрасную шапку. Только вот появиться в ней на людях в ней, якобы, смел только после занятия определенной должности. Так и говорили, например, должность зав сектора – это «ондатровая шапка, шесть книжных и двадцать четыре продуктовых заказа в год, и не менее двух заграничных поездок».

Кстати, о книгах и книжных заказах. Если свернуть влево от гардероба, то упрешься в киоск. По сравнению с цивилизованными книжными магазинами тех лет «для всех» – взгляд

в нем приятно отдыхал. В то время партийные деятели заказывали книги из новых поступлений по каталогам, а вот весь остававшийся ненужный им «неликвид» попадал на этот прилавок. Кстати, там я купил тогда «Слепящую тьму» Артура Кёстлера, книгу, из-за которой еще лет пять тому назад у советского человека, вполне могли произойти серьезные неприятности.

Всех сотрудников отдела прикрепили к спецстоловой. Как я сейчас понимаю, это была самая простецкая точка, из имевшихся, в данной системе предприятий общественно-го спецпитания. Там кормились шоферы, посудомойки, инструктора ЦК ВЛКСМ, охранники и прочая обслуга. Прикрепленным лицам выдавались талоны. Сначала они стоили 75 копеек, потом подорожали до 94-х, что вызвало приступ глухого, скрытого неудовольствия кормящейся братии. На талон в столовой набиралось разной вкусной жратвы без ограничения, что называется, «от пуза». Практически «шведский стол».

В голодной стране, СССР того времени, даже такая партийная столовка представлялась вожденным оазисом, с которого и кормилась тогда моя семья. Располагалось сие заведение на другой стороне Старой Площади, ближе к зданию ЦК ВЛКСМ, в юрисдикции которого, видимо, она и находилась.

Наше подразделение квартировало в недрах первого этажа московского горкома. Нужно долго идти направо от вхо-

да, мимо фельдегерской службы, в открытые двери которой слышались стук костяшек от доминошных баталий временно свободных от службы «государевых гонцов». Далее в нескольких комнатах размещалась наша команда — отдел №21.

Запомнилось, что над нашими комнатами располагался спецбуфет, в который допускали разную мелкотравчатую черлядь, вроде нас. Прилавки его ломились от ранее невиданной мною снеди, а цены приятно ласкали глаз. Однако, существовало некое негласное правило, что после открытия заведения в одиннадцать часов утра, туда сначала направлялось мелкое окрестное начальство, потом, примерно через пол часа, обычные функционеры, а далее, после часа могли идти все желающие из obsługi.

Мы же, сначала по неведению, а потом от избытка наглости, уже за пол часа до открытия этого злачного места, толпились под дверями, затем врывались и как голодная саранча пожирали все, что имелось на прилавках, норовя еще захватить что-либо домой, для голодных родных и близких. После этого партфункционерам уже в этом буфете делать было нечего. Говорят, они выражали недовольство таким обстоятельством, хотя у них имелись и другие точки, блаженные «территории благоденствия», куда мы, простые плебеи, допущены не были.

Видимо, теперь наступает подходящий психологический момент поведать об основных идеях той бесподобной, уни-

кальной, прогрессивной, прорывной информационно-аналитической системы «СОКРАТ», сулившей новые горизонты и недостигаемые зияющие высоты.

Для того, чтобы «широкие народные массы» глубже прониклись величием его мысли, начальник нашего отдела, милейший Олег Константинович, взял за моду по четвергам проводить «научные семинары». На первых порах он несколько раз рассказывал об идеологии «СОКРАТа», основных принципах и идеях.

Вот краткое изложение первых лекций нашего шефа. Представьте себе, вещал Олег на семинаре, что к вам поступает поток информации, например, письма трудящихся. Вы показываете каждое письмо эксперту, то есть, человеку, который специализируется по какой-то проблеме.

Он читает и выделяет из предложенного текста главные мысли, добавляя свои соображения, догадки и ассоциации, внезапно пришедшие ему в голову. Тем самым из недр его сознания и подсознания извлекаются глубинные пласты знаний, сообразно всем законам когнитологии.

Затем, то же письмо дают второму, третьему, четвертому эксперту и каждый должен проделать то же самое – выразить к исходному материалу свое отношение и зафиксировать его письменно. Экспертов должно быть много – не пять и не шесть, а десятки. Так, последовательно, через головы бедных тружеников мысли «прогоняется» весь имеющийся исходный текстовый материал.

Полученные результаты обобщаются модератором, который в состоянии осмыслить и классифицировать весь полученный от экспертов бред. Затем, определяются числовые характеристики исследуемых текстов, как сейчас помню, при помощи «алгебраической теории полугрупп». Это нужно – как со знанием дела говорил разлюбезный Олег Константинович – чтобы использовать их в системе поддержке принятия решений, которая, несомненно, будет дальнейшим развитием СОКРАТа. Из записок экспертов чуть позже создается обобщающий документ. Его опять пускают «по кругу» и так несколько раз.

Сколько раз нужно все показывать, сколько нужно экспертов, зачем здесь нужны компьютерные технологии – непонятно. Каков алгоритм принятия решений, с этими пресловутыми «алгебраическими полугруппами» и какое отношение все это имеет к документообороту в партийном аппарате – большой вопрос.

На все наши, естественным образом возникавшие вопросы, объяснения давались сбивчивые, противоречивые, а то и вообще, заявлялось, о каком-то, таинственном коммерческом know how. Одним словом, как говаривали классики и основоположники – «сумбур вместо музыки!». Да что говорить – абсолютный бардак царил в нашем отделе. Какое-то время даже не было внятного техзадания и плана текущих работ!

Юрий Васильевич – выходец из партийной среды, од-

нажды не выдержал всего этого бреда на семинаре и экспромтом выдал блестящую лекцию об основных принципах документооборота. О той сложной системе увязок и согласований, которая существовала в партийных структурах. О тех формальных и неформальных бюрократических методах, с помощью которых можно подписать практически любую бумагу, или, наоборот, совершенно официально, угробить нежелательное начинание.

Скорее всего, в тот момент, примерно через полгода после моего поступления на эту работу, Олег уже и сам не знал, как и что надо делать дальше. Бесспорно, его метода имела некий рациональный аспект при решении каких-то узких, специфических задач, возникающих на практике, но, причем здесь партийный аппарат московского Горкома КПСС? Непонятно!

Нет, мы тогда что-то делали. Программисты программировали, лингвисты обобщали речи партийных бонз всех времен и народов. Я создал программу – универсальный генератор речей для партийного функционера. Но уже через полгода работы мне стало очевидным большая степень бесперспективности данной работы.

На мой взгляд, этот проект представлял собой разновидность хорошо известного метода, носящего название контент – анализ и несомненно имел право на жизнь, но под другие задачи и в других условиях. Я не знаю, слышал ли тогда наш самородок-начальничек про мозговой штурм, SWOT –

анализ, Дельфи метод и прочие «фенечки» системного анализа, но идеи, декларируемые им, очень напоминали эти замечательные вещи.

Довольно скоро наш славный руководитель в выступлениях на семинарах иссяк, стал повторяться. Его акkuratно освистали. Олег тогда всем ужасно надоел. После этого на семинары стали приглашать докладчиков со стороны, которые читали нам лекции о различных любопытных вещах. Происходило все это в стенах тогдашнего Горкома КПСС, что само по себе представлялось уже весьма забавным.

Тематика выступлений самая разнообразная. Выступавших было много, правда, в памяти моей они не остались, кроме одного – Побиска Георгиевича Кузнецова. К сведению: забавное имя Побиск, расшифровывается так – Поколение Борцов И Строителей Коммунизма....

Побиск Георгиевич Кузнецов – выдающийся советский учёный, видимо один из последних представителей блестящей плеяды Главных Конструкторов СССР, специалист по системам целевого управления и планирования. Он в свое время предложил собственную, альтернативную монетаристскому теории экономических систем. Она основывалась на принципах физической экономики, созвучных с идеями пресловутого научного хулигана Линдона Ларуша, с которым Побиск, якобы, даже был знаком лично.

Побиск представлял из себя в высшей степени интересного субъекта. В его жизни имелось много чего примечательно-

го. Военно-морская спецшкола, танковое училище, фронт, командование разведвзводом на фронте, тяжёлое ранение, «антисоветская деятельность», 58 статья и десять лет лагерей, шарага, реабилитация, кандидатская диссертация по химии, заведование лабораторией, уголовное дело, психушка, вызволение из узилища по ходатайству академиков Василия Парина и Акселя Берга.

Этот незауряднейший человек все время явно не вписывался в советскую систему. В семидесятых годах работал в МГПИ, Московском энергетическом институте, Научно-исследовательском институте автоматической аппаратуры. В момент чтения нам лекций числился заместителем начальника отдела АСУ издательства «Правда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.